

К. и Т. Енко

ТАЙНАЯ СТРАСТЬ ДОСТОЕВСКОГО

НАВАЖДЕНИЯ
и ПОРОКИ ГЕНИЯ

ЭКСМО
МОСКВА
2011

катастрофы, принял наказание как должное и, придя в соприкосновение с подлинными представителями крестьянской Руси, отрешился от множества прекраснотушных иллюзий о народе.

Сильнее, чем когда-либо прежде, ощутил он необходимость веры в Бога, и Христос, страдавший на кресте и искупивший грехи людей своей собственной смертью, сделался для него самым близким и понятным образом человека и символом религии всепрощения и милосердия.

Прежняя его мечтательность осталась, но и она сильно изменилась. Теперь, еще больше, чем в молодости, знал он разницу между Афродитой земной и Афродитой небесной. Он немало видел и пережил на ссыльных этапах и в Омской каторжной тюрьме, где его товарищи по несчастью занимались мужеложством или любовью с такими бабами-калачницами, на которых и взглянуть было страшно.

От женского общества он успел настолько отвыкнуть, что мечтал о нем, как о высшем блаженстве. В Семипалатинск он приехал с тайными стремлениями, в которых сам себе боялся признаться. Он походил на больного, который начинает выздоравливать после смертельной болезни и с удвоенной силой чувствует всю прелесть и соблазны бытия. Он сам писал: «Надежды было у меня много. Я хотел жить». И он хотел любить.

Через несколько месяцев после приезда в Семипалатинск Достоевский встретился на квартире подполковника Беликова с Александром Ивановичем Исаевым и женой его Марьей Дмитриевной.

Александр Исаев, бывший учитель гимназии, директором которой одно время состоял его тесть,

попал в Семипалатинск в качестве чиновника для особых поручений по корчемной части.

Работы у него было немного, но корчмы притягивали его неотступно. Он вскоре потерял службу и, очутившись без места и без средств, стал пить горькую. Человек слабого здоровья и еще более слабой воли, он попал в компанию пьяниц и забулдыг, которых было немало в городке, и вскоре совсем опустился.

Жена Исаева, Марья Дмитриевна, у которой был от него семилетний сын Паша, очень страдала от создавшегося положения.

Отец ее, Дмитрий Степанович Констант, начальник карантина в Астрахани, был, по всей вероятности, сыном французского дворянина, бежавшего в Россию из Франции от ужасов революции и террора.

Дочь полковника Константа Марья Дмитриевна получила хорошее по тому времени воспитание. В 1854 году ей было 28 лет.

«Довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная, — так рисует ее Врангель, друг Достоевского, молодой семипалатинский прокурор, — она была начитана, довольно образованна, любознательна и необыкновенно жива и впечатлительна».

На сохранившемся дагерротипе ее волнистые светлые волосы разделены пробором посередине; рот несколько широк с выдающейся, чуть припухлой нижней губой, придающей всему лицу капризное выражение, глаза темные, глубокие, но небольшие. Черты ее лица были мелкие, но привлекательные, а на щеках играл нездоровый румянец. Вид у нее вообще был хрупкий и болезненный, и этим она порою напоминала Достоевскому

его мать. Нежность ее лица, физическая слабость и какая-то душевная незащитность вызывали в нем желание помочь ей, оберегать ее, как ребенка.

То сочетание детского и женского, которое всегда остро ударяло по чувственности Достоевского, и сейчас возбудило в нем сложные переживания, в которых он не мог, да и не хотел разобратся.

Марья Димитриевна сразу очаровала его и своими материнскими о нем заботами, и своей хрупкостью, пробуждавшей в нем физическое влечение. Кроме того, он восхищался ее тонкой и необыкновенной, как ему казалось, натурой.

Марья Димитриевна была нервна, почти истерична, но Достоевский, особенно в начале их отношений, видел в изменчивости ее настроений, срывах голоса и легких слезах признак глубоких и возвышенных чувств.

Когда он стал бывать у Исаевых, Марья Димитриевна пожалела и приглубила странного своего гостя, хотя вряд ли отдавала себе отчет в его исключительности.

Попросту, по-женски, ощутила она, что этот неуклюжий рядовой, который мог то часами сидеть, почти не говоря, то вдруг, зажегшись, произносить длиннейшие и не всегда понятные тирады, перенес больше, чем кто бы то ни было из людей ее круга, и быть его добрым гением, ощущать его молниеносную и благодарную реакцию на каждое доброе слово, на каждый участливый взор было ей приятно и льстило ее сильно развитому самолюбию. Да и кроме того, она сама в этот момент нуждалась в поддержке: жизнь ее была тосклива и одинока, знакомств она поддерживать не могла из-за пьянства и выходок мужа, да на это не было

и денег. И хотя она гордо и безропотно несла свой крест и добросовестно «исправляла должность служанки и ходила за мужем и сыном», ей часто хотелось и пожаловаться, и излить свое наболевшее сердце. А Достоевский был прекрасным слушателем. Он был всегда под рукою, он отлично понимал ее обиды, он помогал ей переносить с достоинством все ее несчастья, и он развлекал ее в этом болоте провинциальной скуки.

«Я не выходил из их дома. Что за счастливые вечера я проводил в ее обществе. Я редко встречал такую женщину», — писал он впоследствии.

Муж предпочитал дому кабак или валялся на диване в полупьяном виде, и Марья Димитриевна оказывалась наедине с Достоевским, который вскоре перестал скрывать свое обожание.

Никогда за всю его жизнь не испытывал он подобной интимности с женщиной — и с женщиной из общества, образованной, с которой можно было разговаривать обо всем, что интересовало его. Впервые за долгие годы его не встречали насмешками, он не должен был бороться с соперниками, как в салоне Панаевой, он не ощущал себя приниженным, а мог быть на равной ноге с любимой.

Весьма возможно, что Марья Димитриевна привязалась к Достоевскому, но влюблена в него ничуть не была, по крайней мере вначале, хотя и склонялась на его плечо и отвечала на его поцелуи.

Он же в нее влюбился без памяти, и ее сострадание, расположение, участие и легкую игру от скуки и безнадежности принял за взаимное чувство. Ему шел 34-й год и он еще ни разу не имел ни возлюбленной, ни подруги. Он искал любви, лю-

бовь была ему необходима, и в Марье Димитриевне его чувства нашли превосходный объект. Она была первой интересной молодой женщиной, которую он встретил после четырех лет каторги, и он оваял ее всеми чарами неудовлетворенных желаний, эротической фантазии и романтических иллюзий. Вся радость жизни воплотилась для него в этой худощавой блондинке.

Марья Димитриевна была женщина нелегкая: она быстро обижалась, от хлопот и дрызг у нее делались частые мигрени, она прижимала пальцы к вискам в жесте отчаяния и безнадёжности. Она постоянно раздражалась, говорила, что «поганое общество не ценит ее», называла себя «мученицей», и Достоевский ей поддакивал и немедленно с ней соглашался. Мужа она не любила или разлюбила, во всяком случае остатки чувств, которые у нее к нему оставались, были разрушены его нелепым поведением и пьянством, вызывавшим в ней горечь и отвращение. Все надежды свои она перенесла на сына Пашу, из которого, по ее мнению, должен был выйти замечательный человек. Но покамест семилетний мальчик никаких выдающихся качеств не обнаруживал. Хотя Марья Димитриевна могла сколько угодно говорить, что жизнь ее кончена, но ей еще не было и тридцати лет, и, конечно, она хотела и жизни, и любви, и счастья, и удачи. То, что Достоевский воспылил к ней настоящей, глубокой страстью, она отлично понимала — женщины это обычно легко распознают, и его «ухаживания», как она их называла, она принимала охотно, не придавая им, однако, слишком большого значения: ведь исходили они

от человека, лишённого прав, ссыльного, у которого, опять-таки по ее выражению, «не было будущности», а были многочисленные и порою пугающие странности. Но на него можно было положиться, и она не могла пренебречь даже и такой опорой.

После того как рассеялся пьяный туман первой влюбленности, Достоевский хорошо разобрался в тех обстоятельствах, при которых зародилось его чувство к Марье Димитриевне. «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни», — писал он впоследствии. Он еще яснее увидел все трудности своих отношений к замужней женщине, матери и жене, когда он получил возможность обсуждать их в беседах со своим новым другом Врангелем.

Появление Врангеля в Семипалатинске зимою 1854 года показалось Достоевскому подарком судьбы. Несмотря на очень холодный и неприступный вид, который весьма помогал ему в административной карьере, молодой прокурор был очень добрый и отзывчивый человек, да еще к тому же и с романтическим воображением. Через год знакомство перешло в тесную дружбу, быть может, единственную в жизни Достоевского (он был с ним в разговорах и письмах более откровенен, чем с кем бы то ни было, и это на протяжении многих лет).

Врангель искренно привязался к Достоевскому и после приезда начал помогать ему. Он познакомил его с военным губернатором П.М. Спиридоновым, и с этого момента бывшего ссыльного стали принимать в домах всех именитых граждан Семипалатинска. Это сильно подняло социальный престиж Достоевского; скоро он был произведен

в унтер-офицеры, и условия жизни его значительно улучшились — у него теперь было и больше свободного времени, и возможность распоряжаться им по собственному усмотрению.

Молодой прокурор терпеливо выслушивал восторженные речи Достоевского о Марье Дмитриевне. «Она добра, мила, грациозна, с превосходным великодушным сердцем, — говорил Достоевский, — она хорошенькая, образованная, очень умная».

Врангель оказывал деятельную помощь Достоевскому.

В начале 1855 года Марья Дмитриевна наконец ответила на любовь Достоевского. Это был не только момент близости, но и начало интимных отношений между ними.

Но как раз в те дни, когда Достоевский уверовал во взаимное чувство Марьи Дмитриевны и, как он писал, «получил от нее доказательства ее любви», Исаева назначили заседателем в Кузнецк, за шестьсот верст от Семипалатинска. Это означало разлуку. В довершение всего именно Достоевский должен был доставать денег на отъезд: у Исаева не было ни копейки, и обратился он, естественно, к Достоевскому — лучшему другу семьи. А у Достоевского своих денег не было: он занял все у того же Врангеля и передал нужную сумму Марье Дмитриевне.

Весной 1855 года Врангель снял дачу Козакова в окрестностях Семипалатинска, и, так как батальон Достоевского был переведен неподалеку на летние квартиры, унтер-офицеру удавалось по целым неделям жить у гостеприимного друга. Когда Исаевы двинулись в путь в июне 1855 года, они остановились попрощаться на даче у Врангеля.

Было подано шампанское, и Врангелю не составило особого труда напоить Исаева и устроить его на мирный сон в карете. Между тем Достоевский и Марья Дмитриевна отправились в сад. По свидетельству Врангеля, молодая женщина к моменту отъезда уже и сама была захвачена своим чувством к Достоевскому. Влюбленные «обнимались и ворковали», держали руки друг у друга, усевшись на скамейке под тенистыми деревьями. Но почтовый ящик настаивал, чтобы господа наконец пустились в дорогу. Надо было уезжать. Достоевский со слезами на глазах проводил Марью Дмитриевну к тарантасу, в котором храпел Исаев. Последнее объятие, ящик взмахнул кнутом, кони рванулись — уже и тарантас скрылся в белом клубе пыли, а Достоевский все стоял и смотрел ему вслед, на дорогу, исчезающую среди сосен.

Видя тяжелое настроение друга, Врангель всячески старался развлечь его. На даче был огромный сад, и устраивать его поручили двум красивым дочкам квартирной хозяйки Достоевского: молодые разбитные девушки вносили немало смеха и веселья, а может быть, и больше того — в дом молодого прокурора и его сумрачного приятеля. Весть о цветах, разводимых в Козаковом саде, распространилась по Семипалатинску, и Врангеля стали навещать местные модницы, которых он не очень-то жаловал. Достоевский помогал ему отводить их от дому. Он очень тосковал, глядел, как мальчик, на скамейку, на которой прощался с Марьей Дмитриевной, и что-то бормотал себе под нос: у него была привычка вслух разговаривать с самим собой. По словам Врангеля, он был в восторге от Исаевой, все повторял, какая она замечательная, и удивлялся, что такая женщина от-

ветила на его любовь. Он едва ли считал себя достойным ее внимания. Он все писал ей письма, хотя и должен был сдерживать себя из-за мужа:

«Судя по тому, как мне тяжело без вас, — пишет он ей чуть ли не на другой день после ее отъезда, — я сужу о силе моей привязанности. Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я за вас в ужаснейшем страхе. Боже мой! Да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, вас, которая может служить украшением всякого общества. Вы удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне как родная сестра. Женское сердце, женское участие, бесконечная доброта... я все это нашел в вас... Живу я теперь совсем один, деваться мне совершенно некуда».

Он действительно очень тосковал и не обращал внимания на кокетничанье молоденькой и хорошенькой Марины О., дочери ссыльного поляка, которой он давал уроки. Ученица — девушка живая, энергичная и несколько сумасбродная, была равнодушна к своему учителю, особенно когда узнала, что у него роман с другой женщиной. Марья Димитриевна была осведомлена о Марине и сильно к ней ревновала.

Когда настроение у Достоевского улучшилось, он декламировал — он любил читать вслух, особенно поэмы Пушкина, — помогал девушкам по саду или вел нескончаемые беседы с Врангелем. О его любви прослышало уже несколько человек из его знакомых, и они решили оказать ему содействие и устроить тайное свидание с Марьей Димитриевной где-нибудь между Семипалатинском и Кузнецком. Так как Достоевский сильно рисковал, выезжая из города без разрешения начальства (он все еще был под наблюдением полиции, письма к

нему перлюстрировались, а его шли адресатам в Россию через Третье отделение), то был устроен целый заговор. Достоевский сказался больным, знакомый доктор подтвердил, что ему надо отлежаться, а между тем мнимый пациент мчался на лошадях, предоставленных друзьями, в Змиев за 160 верст от Семипалатинска. Но там вместо Марьи Димитриевны нашел он ее письмо с извещением, что ввиду изменившихся обстоятельств ей не удалось отлучиться из Кузнецка. Достоевский, даже не отдохнув, тотчас же пустился в обратный путь. «Изменившиеся обстоятельства» была болезнь Исаева. В конце июля состояние его сделалось безнадежным. Он умер через две недели. Достоевский узнал об этом 14 августа из письма Марьи Димитриевны, которая рассказывала, как муж благословил ее и сына перед христианской своей кончиной, и описывала все происшедшее, равно как и свое собственное душевное состояние, в довольно шаблонных и риторичных выражениях. Она осталась без средств и не знала, что ей делать. Достоевский немедленно выслал ей 25 рублей — все, что было у него, — и обратился к Врангелю, находившемуся в это время по делам службы в Барнауле. Он заклинал приятеля всеми святыми, умоляя оказать финансовую помощь несчастной вдове. Положение Марьи Димитриевны действительно было критическим. Она оказалась в чужом, незнакомом ей Кузнецке одна, без средств, без родных и знакомых, с маленьким сыном на руках.

Смерть Исаева, с другой стороны, сильно меняла положение Достоевского. Ему не надо было больше скрывать своей любви. Он тотчас же предложил Марье Димитриевне выйти за него замуж.

Им руководило не только желание помочь ей, урегулировать их отношения, и чувство страстной любви — «Боже мой, что за женщина, как жаль, что вы ее так мало знаете», — писал он Врангелю, — но и сильная тяга к брачной жизни. «Нет ничего на свете выше счастья семейного», — писал он брату по выходе из каторжной тюрьмы. Семейная жизнь его родителей представлялась ему незамутненной и счастливой, а детство было лучшим и чистым его воспоминанием. Семья казалась ему возвратом в эту золотую детскую пору, которую он, после всех своих испытаний и несчастий, охотно идеализировал. Кроме того, у него с 17 лет не было своего угла, он мечтал о браке, как о тихой пристани, о домашнем уюте, женской заботе. Брак с Марьей Димитриевной — брак по горячей, подлинной любви — разрешал все вопросы и устраивал и материальную, и сентиментальную, и эротическую стороны существования.

Марья Димитриевна, конечно, на все это смотрела иначе. В ответ на пылкие письма возлюбленного, который настаивал на окончательном и немедленном решении, она писала, что грустит, отчаивается и не знает, как ей поступить. Достоевский понимал, что главным препятствием к «устройству нашей судьбы», как она называла проект их брака, была его личная неустроенность.

Социальное положение Достоевского было незавидное: унтер-офицер Линейного батальона, бывший каторжник, лишенный дворянства, состоящий под надзором полиции и на подозрении начальства. Впереди — еще три года военной службы, а затем полная неизвестность. О писательском его таланте Марья Димитриевна хорошо судить не могла, никаких новых произведений

его не видела, а успех «Бедных людей» имел десятилетнюю давность. Никто не мог с уверенностью сказать, разрешат ли ему когда-нибудь печататься. Доступ в европейскую Россию был ему покамест закрыт. Средств у него не было: родные посылали ему немного денег, на которые он и существовал. Как же мог он завести семью? Правда, после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II, появилась надежда на улучшение участи бывших петрашевцев. Достоевский слал множество писем родным и знакомым с просьбами хлопотать о разрешении печататься и производстве в офицерский чин. Порою, когда он сообщал Марье Димитриевне о своих попытках «победить судьбу», она воодушевлялась и готова была ответить согласием на брак, но потом снова теряла веру. Настроения ее не отличались устойчивостью. Отец посылал ей деньги из Астрахани, и она могла кое-как перебиваться в ожидании скромной пенсии, полагавшейся вдове чиновника Исаева. Но она постоянно болела, недомогания — предвестие чахотки — делали ее раздражительной, она доносила Достоевского подозрениями и ревностью. Почему должна была она верить ему после десяти месяцев разлуки? Быть может, он завел шашни с Мариной или спал с дочерью своей квартирной хозяйки! А все эти купеческие дочери, которым он давал уроки математики, наверное, пытались вскружить ему голову.

И Марья Димитриевна решается «испытать» его любовь. В самом конце 1855 года Достоевский получает от нее странное письмо. Она спрашивает его дружеского беспристрастного совета: «Если бы нашелся человек пожилой, и обеспеченный, и добрый, и сделал ей предложение...» Прочитав эти

строки, Достоевский зашатался и упал в обморок. Когда он очнулся, он с отчаянием сказал себе, что Марья Димитриевна собирается выйти замуж за другого.

В этом предположении не было ничего невозможного. Достоевскому окольными путями стало известно, что кузнецкие кумушки разрывались на части в поисках «положительного человека и хорошего жениха» для бедной вдовы. Правда, в том же письме Марья Димитриевна заверяла Достоевского в своей к нему любви, но он принял ее слова как свидетельство ее доброты, как желание его утешить.

Нервы его были так напряжены из-за долгой разлуки, из-за неизвестности, что мысль о возможности потерять Марью Димитриевну совершенно сразила его.

Проведя целую ночь в рыданиях и муках, он наутро написал Марье Димитриевне, что умрет, если она оставит его. «Велика радость любви, — писал он Врангелю об этом эпизоде, — но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Едва понимаю, что мне говорят и как я живу. Неподвижная идея в моей голове». Незадолго до этого он начал «комический роман» «Село Степанчиково».

Нерешительность Марьи Димитриевны, сводившая с ума Достоевского и питавшая самые чудовищные его сомнения, происходила от разных причин: она не была уверена в самой себе, она колебалась по практическим соображениям, а, кроме того, ей доставляло удовольствие испытывать свою власть над влюбленным в нее мужчиной — и таким образом подлинные чувства соединялись тут с игрой.

Для Достоевского же никакой игры быть не могло. Он любил со всей силой запоздалой первой любви, со всем пылом новизны, со всей страстью и волнением игрока, поставившего состояние на одну карту. По ночам его мучили кошмары и теснили слезы. Ожидание письма из Кузнецка было пыткой, а его долгожданный приход — либо разочарованием, либо взрывом новых сомнений и подозрений. Он знал, что она слаба и доверчива, и опасался чужого влияния: «Ее можно уверить в чем угодно». Он знал также, что она «раздражительна и развита сердцем» — это означало ее способность поддаться чьим-либо ухаживаниям. Все видели в ней одну слабость и нежность: он же знал ее такой, какой другие никогда ее не видели. Это о ней писал он впоследствии в «Униженных и оскорбленных»:

«Сердце мое защемило тоской, когда я разглядел эти впалые бледные щеки, губы, запекшиеся, как в лихорадке, и глаза, сверкавшие из-под длинных темных ресниц горячечным огнем и какой-то страстной решимостью».

Но, может быть, еще кто-либо сумел зажечь в ней этот горячечный огонь? Он был ревнив, и еще во время пребывания в Семипалатинске докучал ей выговорами по поводу каждого взгляда, брошенного на мужчину. Но ревность мнительной и болезненной Марьи Димитриевны была еще острее. Она подозревала его в тайной связи с каждой встречной женщиной. На Масленицу 1856 года Достоевского часто приглашали на блины, он танцевал с дамами. Он сам написал ей об этих невинных развлечениях, но она возомнила бог весть что и решила отомстить ему. Опять в ее письмах появились намеки об искателях ее руки и тайных

воздыхателях. Эта трагикомедия ошибок продолжалась до апреля, когда Марье Димитриевне пришлось отчасти признаться в ее игре. Кузнецкие дамы предложили ей жениха, она заявила им, что у нее уже есть один на примете. Эти слова дошли до Федора Михайловича и снова привели его в отчаяние: оказалось, что, говоря о «человеке на примете», Марья Димитриевна имела в виду именно его. Но все же от мифа о выходе замуж за пожилого и богатого она окончательно не отказалась, и когда писала Достоевскому о своей горячей к нему любви, не забывала упомянуть: «а жених — это только расчет». Достоевский, в конце концов, пришел к заключению, что Марья Димитриевна по слабости находилась в том же положении, что и героиня его «Бедных людей», Варвара, которая решила выйти за «степного помещика» Быкова, чтобы избежать нужды и не погубить Макара Девушкина. «Напрочил же я себе», — восклицает Достоевский. Но у Варвары не было семьи, а Марья Димитриевна должна была думать о сыне. Несомненно, что ей было нелегко, хотя Достоевский и преувеличивал ее стесненные обстоятельства, когда писал Врангелю, что у нее нет ни копейки, и повсюду занимал, чтобы выслать ей денежный перевод. Тотчас же после смерти Исаева Константин прислал дочери 300 рублей, сумму, по тому времени немалую, а затем регулярно ей помогал: Достоевский должен был потом признать, что «она ни в чем не нуждалась».

Его личные дела были гораздо хуже: хроническое безденежье, нищенская обстановка дома, подчиненное положение на службе. Самым мучительным было то, что он жил, главным образом, надеждами, но постоянно опасался какой-нибудь

неудачи, которая лишит его Марьи Димитриевны. В письмах к Врангелю, который в это время уехал в Петербург и в свою очередь страдал от любви к своей барнаульской даме (Е.И. Гернгросс), он восклицал: «Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш». А для того, чтобы окончательно завоевать ее, ему необходимо было обеспечить себе такое «внешнее устройство», при котором не оказались бы опасны никакие кузнецкие женихи со средствами. Это устройство составляло предмет его дум и тему всех его писем: программа минимум была переход из военной службы в штатскую, что предполагало место с жалованьем и некоторое количество денег, чтобы прожить до назначения. Достоевский теперь мечтал стать чиновником 14-го класса, то есть одним из тех мелких канцеляристов, каких он вывел в «Бедных людях» и «Двойнике». Конечно, самое лучшее было бы получить разрешение печататься: «Тогда все устроится, ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то главное и надеюсь». В этой фразе Достоевский проговорился: чиновничьей службы мог он желать лишь в дни отчаяния и безнадежности, на самом деле было у него лишь одно неодолимое стремление — печататься, зарабатывать на жизнь литературой, вновь взять в руки перо, то самое перо, которое отняли у него при заключении в крепость в 1849 году, которое не давали ему на каторге, которое через пять лет мог он с трудом получить, будучи солдатом в сибирском захолустном гарнизоне. И только когда осуществление этой заветной надежды казалось чересчур отдаленным, был он готов ради соединения с любимой женщиной сделаться сам Макаром Девушкиным, чиновником

14-го класса. «Не сейчас же я женюсь, а выжду чего-нибудь обеспеченного, она же с радостью пождет, только бы имела надежду на верное устройство судьбы моей». И одно за другим летят письма из Семипалатинска в Петербург, к Врангелю, к сановникам, к знакомым, к родным. Как всегда, он сочиняет самые фантастические проекты: не написать ли ее отцу, чтобы отвадил женихов, не послать ли прошение Государю, не обратиться ли к генералам, которые знали его в Инженерном училище? Он мечется и по своему обыкновению волнуется, преувеличивает; житейские мелочи в его воображении принимают пугающие очертания, препятствия обращаются в кошмары. Писание тоже причиняет немало забот: оно подвигается с большим трудом.

В мае 1856 года в письмах Марьи Дмитриевны вновь зазвучали тревожные ноты. То она пишет, что грустит и тоскует, то вдруг заявляет: «Мы слишком много страдали, слишком несчастны, чтобы мечтать о браке», она не составит его счастья, лучше обо всем позабыть, ото всего отказаться. Единственное, о чем она его просит, это похлопотать о Паше, ему уже идет девятый год, его надо определить в какое-нибудь закрытое учебное заведение.

Измученный всей этой перепиской с ее чередованием холода и жара, Достоевский решает на крайний шаг: необходимо личное свидание с Марьей Дмитриевной, надо выяснить все и переговорить с глазу на глаз. И, значит, надо ехать в Кузнецк.

После долгих хлопот и всяческих ухищрений Достоевскому удалось заручиться помощью батальонного командира, знавшего обо всех его лю-

бовных треволнениях. Унтер-офицер Достоевский получил служебное поручение отвезти в Барнаул фургон с веревками. А от Барнаула до Кузнецка не слишком далеко. И Достоевский пустился в дорогу с надеждой через несколько дней увидеть и обнять Марью Дмитриевну.

Достоевский тайно уехал из Барнаула в Кузнецк, мечтая, что свидание с женщиной, на которую, по его собственному выражению, он «имел права», разрешит все сомнения и трудности. Но вместо радостной встречи в Кузнецке его ждал страшный удар. Он вошел в комнату к Марье Дмитриевне, и она не бросилась ему на шею: с плачем целуя его руки, она закричала, что все потеряно, что брака быть не может — она должна признаться во всем: она полюбила другого. Этот другой, Николай Борисович Вергунов, родом из Иркутска, учитель начальной школы, был довольно красивый 24-летний молодой человек, и Марья Дмитриевна увлеклась им физически, завязав с ним интимные отношения, и даже подумывала о том, чтобы выйти за него замуж. Достоевский выслушал ее рассказ, стиснув руками голову, потом заметил, что Вергунов когда-нибудь попрекнет ее за то, что она хотела только сладострастия. Марья Дмитриевна сперва приписала эти слова ревности, но потом задумалась и опять начала плакать. Она теперь не верила ни в чью любовь. Напрасно Достоевский в долгой беседе пытался понять ее истинные чувства и определить отношения между ней и Вергуновым.

Вместо мнимого «солидного» жениха, за которого Марья Дмитриевна якобы готова была выйти «по расчету», Достоевский нашел в Кузнецке

счастливого соперника, бывшего едва ли не беднее его самого.

Марья Дмитриевна настаивала на его встрече с Вергуновым. «С ним я сошелся, он плакал у меня, но он только и умеет плакать», — с горечью заметил Достоевский.

Чтоб не обижать Вергунова, Достоевский скрыл свои собственные переживания и спокойно рассуждал о шансах возможного брака Марьи Дмитриевны с молодым учителем. Ему приходилось взвешивать свои слова и пускаться на мелкие хитрости. «Я знал свое ложное положение, — пишет он Врангелю, — ибо начни я отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут — для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем». Но что бы он ни говорил Марье Дмитриевне, он прекрасно понимал, что она чувствовала себя госпожой и владычицей по отношению к новому другу, а он был ее жертвой.

«Она предвкушала наслаждение любить без памяти и мучить до боли того, кого любишь, и именно за то, что любишь, и потому-то, может быть, поспешила отдаться ему в жертву первая».

Эти слова о Наташе из «Униженных и оскорбленных» вполне применимы к Марье Дмитриевне и к ее отношениям с Вергуновым и, как это ни странно, с Достоевским. Она и мучила их обоих, и сама из-за них мучилась, и в этом соединении морального и любовного садизма и мазохизма находила особое наслаждение. И это ее болезненное, сложное ощущение перекликалось с такими же тенденциями Достоевского. Ему было тяжело, мучительно, и сама острота его страдания вызывала холодок восторга. Напряженность, необычность обстоятельств, слезы и страсть, обида и жела-

ние — все это соединялось в невыразимо жгучее ощущение интенсивности бытия. Моментами ему казалось, что он теперь любит ее больше прежнего — за ее измену, за мучительство, за оскорбление.

Его охватывало неодолимое стремление все отдать Марье Дмитриевне, пожертвовать своей любовью ради ее нового чувства, уйти и не мешать ей устраивать жизнь, как ей хочется.

Когда Марья Дмитриевна увидела, что Достоевский не упрекает ее, а только заботится о ее будущем, она была потрясена. Но Достоевскому не пришлось долго страдать в позе мученика, и добровольной жертвы его Марья Дмитриевна не приняла. «Не плачь, не грусти, не все еще потеряно, ты и я и более никто», — сказала она, видя его страдания. В самый критический момент в ней снова вспыхнули жалость и нежность к Достоевскому. «Она вспомнила прошлое, и сердце ее вновь обратилось ко мне», — этими словами он описывал поворот в ее настроениях.

Когда он менее всего ждал этого, она бросилась в его объятия и вознаградила его за все, что он претерпел. «Я провел не знаю какие два дня, — писал он Врангелю, — это было блаженство и мученье нестерпимое».

Передалась ли ей страсть Достоевского, была ли она захвачена возвратом собственного чувства, попала ли в путы сложной игры или не захотела отказаться от владычества над обоими мужчинами — все равно какой ценой, — но несомненно, что она снова вступила в интимные отношения с Достоевским, и он мог сказать: «К концу второго дня я уехал с полной надеждой».

Но, несмотря на «доказательства любви», как

он выражался, он сознавал трудность собственно-го положения. Прежние иллюзии его рухнули, Марья Димитриевна предстала ему в новом обличье, и вместо недавней ясности чувств в душе его ныне царил полный хаос.

Когда он выехал из Кузнецка и опьянение недавней близостью выветрилось в дороге, он подумал, что, согласно французской поговорке, «отсутствующие всегда не правы»: «Я далеко, а он с ней».

Как бы ни были горячи недавние поцелуи Марьи Димитриевны, на верность ее рассчитывать нельзя было. Да и кто мог поручиться, что после отъезда Достоевского она не начнет колебаться и не вернется к молодому любовнику?

Не успел Достоевский возвратиться в Семипалатинск и прийти в себя от физической и душевной встряски, как получил письмо от Марьи Димитриевны: она тосковала, плакала, опять говорила, что любит Вергунова больше, чем Достоевского. Измученный и униженный, он забыл о своей дипломатии и написал и ей и ему, уговаривая обоих посмотреть на все холодно и здраво: ведь их совместная жизнь, а тем более брак были бы безумием. Марья Димитриевна промолчала, а Вергунов обиделся и ответил грубой бранью. Это не помешало Достоевскому начать хлопоты по устройству его на лучшее место: ведь как-никак, учитель мог вскоре стать мужем Марьи Димитриевны, а ее благополучие было ему дороже всего на свете. Он победил ревность и горечь, он поступил как Дон Кихот, принося собственную жертву. Но страдал он от этого своего благородства невыносимо. Идея брака Марьи Димитриевны по расчету, ради денег оскорбляла его нравственное чувство,

вызывала возмущение против несправедливости, против «злой доли бедных». А мысль о том, что она собиралась выйти за бедняка, била по самолюбию, ранила его мужскую гордость. Ведь тут он и Вергунов были равны, оба в одинаковой степени не имели средств, чтобы содержать семью. Но 24-летний учитель и в будущем не мог ни на что рассчитывать, кроме грошового жалованья. Он был мало образован, и карьера ему предстояла самая ничтожная, все в тех же начальных школах. А ведь Достоевский был писателем, он некогда достиг известности, и теперь, в одинокие ночи, верил в свое великое призвание. Значит, Марья Димитриевна предпочла ему Вергунова исключительно по любви. Почему же та, кого он избрал, кому отдал сердце, не разделяла его веры, не видела, что слава ждет его, не поставила на него? А это самое обидное для мужчины — знать, что для любимой он попросту один из многих. Очень многое в последующей жизни Достоевского объясняется этой обидой: ее редко прощают даже обыкновенные таланты.

Но сейчас обиду надо было проглотить: иного выхода у него не было.

«Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае, — объяснял он Врангелю. — Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в десять месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости». Справиться с этой «нелепостью» не было уж сил — и воспоминание о прежней, хотя и минутной близости растревляло и кровь, и воображение: он все повторяет и о «доказательствах» ее любви, и о своих «правах» на нее. Но от жгучих воспоминаний не становилось легче: все замети-

ли, что Достоевский совсем извелся. На смотрах и военных учениях он ходил как тень, знакомые опасались, что он свалится с ног. Нервное напряжение разрядилось припадком, и после него он оставался больным целую неделю. А к страданиям душевным и физическим прибавились еще и заботы материальные: поездка в Барнаул и помощь Марье Димитриевне (он постоянно посылал ей деньги) привели к тому, что у него накопилось свыше тысячи рублей долга. Заплатить их было неоткуда, повсюду наткнулся он на высокую, немолимую стену, и вся жизнь представлялась ему не то блужданием по кругам дантовского ада, не то диким видением больного мозга.

В тот самый момент, когда Достоевскому казалось, что он коснулся дна и дошел до предела унижений и горя, в существовании его стал медленно намечаться поворот к лучшему. Черная серия неудач завершилась, и впереди обозначились просветы. Первого октября 1856 года он был произведен в прапорщики — первый офицерский чин, и это означало, что он вновь возвращается в тот самый привилегированный класс, вне которого в России было так трудно жить. Кроме того, усилились надежды на помилование, а значит, и на возвращение в Россию. Под влиянием этих обстоятельств или по изменчивости характера Марья Димитриевна заметно охладела к Вергунову. Вопрос о браке с ним как-то сам собой исчез, и она написала Достоевскому, что он «материально невозможен» (Вергунов зарабатывал 300 рублей в год). В письмах к Достоевскому она не скупилась на нежности, называла его братом, говорила, что тоскует по нем. А он в ноябре 1856 года писал: «Она по-прежнему все в моей жизни, люблю ее до

безумия... разлука с ней довела бы меня до самоубийства... Я несчастный сумасшедший. Любовь в таком виде есть болезнь». Он пытается дать разумное объяснение своему состоянию: «Она явилась мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу, все мое существование». Услышав, что Вергунов в опале, он воспрял духом и снова поставил ребром вопрос о своем браке с Марьей Димитриевной.

Когда опять представилась возможность поездки в Барнаул, на этот раз в лучших условиях, потому что он был уже офицером, он помчался в Кузнецк, но теперь остался там не два, а пять дней. Его ждал прием, сильно отличавшийся от того, какой был ему оказан пять месяцев тому назад. Марья Димитриевна заявила, что разуверилась в новой привязанности и никого, кроме Достоевского, по-настоящему не любит. Перед отъездом он получил ее формальное согласие выйти за него замуж в самом ближайшем будущем.

Как бегун на трудном состязании, Достоевский очутился у цели, настолько изможденный усилением, что принял победу почти с равнодушием.

Никаких восклицаний и энтузиазма по поводу близкого брака в его переписке нет: есть трезвые слова о деньгах и устройстве. Для свадьбы необходимо было по крайней мере 600 рублей, и их пришлось взять в долг у одного из семипалатинских знакомых.

В начале 1857 года все было сговорено, он взял в долг нужную сумму денег, снял помещение, получил разрешение начальства и отпуск для женитьбы. В конце января он выехал в Кузнецк. Там все было готово для «тихой» свадьбы, и 6 февраля Марья Димитриевна и Федор Михайлович были

обвенчаны в Кузнецкой церкви, где сохранилась запись об этом браке. Тотчас после церковного обряда молодожены сели в тарантас и поехали в Барнаул: там должны были они провести вместе первую ночь. Но когда они очутились в доме барнаульских знакомых, в котором предполагали прожить несколько дней, с Достоевским произошел страшный припадок падучей. С помертвевшим лицом и диким стоном он вдруг упал на пол в ужасающих конвульсиях и лишился сознания. Придя в себя, он был так слаб, что мог едва говорить и двигаться. Марья Димитриевна до того перепугалась, что сама едва не упала в обморок. Припадок Достоевского произвел на нее потрясающее впечатление. Позвали докторов, но их диагноз не только не внес успокоения, но даже усилил общую панику: они заявили, что у Достоевского эпилепсия, и предупредили, что во время подобного припадка он может умереть от горловой спазмы. Марья Димитриевна зарыдала и начала упрекать мужа за то, что он утаил свой недуг.

Достоевский оправдывался, уверяя, что и сам не знал в точности характера болезни. Действительно, до тех пор он полагал, что припадки его «хотя и похожи на падучую, но, однако же, не падучая». Так писал он брату по выходе из каторжной тюрьмы, так говорил друзьям и знакомым, осведомленным об его недуге. То же самое, еще до ареста, утверждал и его врач Яновский. Но сейчас уже не могло быть никаких сомнений, и слова докторов прозвучали грозным предупреждением.

Когда состояние Достоевского несколько улучшилось, молодые двинулись в путь. Она — разочарованная, измученная всем пережитым, он — обес-

силенный, как всегда после припадка, подавленный и угрюмый.

«Если бы я наверно знал, что у меня настоящая падучая, — писал он вскоре после этого, — я бы не женился. В Семипалатинск я привез жену захворавшую».

То, о чем он не писал, имело гораздо большее значение. Припадок в Барнауле произошел, вероятно, в тот самый момент, когда молодожены остались одни. Он, конечно, вызвал ряд потрясений и даже травматических последствий в чисто половой области. Быть может, здесь-то и надо искать разгадки, почему брак Достоевского с Марьей Димитриевной оказался неудачен прежде всего со стороны физической.

В Семипалатинск Достоевские приехали 20 февраля 1857 года и принялись устраиваться в маленькой и бедно обставленной квартире. Когда Достоевский окончательно оправился от того, что «сокрушило меня и физически и нравственно», он попытался наладить супружеские отношения. Но физическая близость не дала того счастья и забвения, о котором он мечтал. Оба были нервны и больны, у Достоевского было чувство вины, сменявшееся взрывами страсти, бурной, конвульсивной и нездоровой, на которые Марья Димитриевна отвечала или испугом, или холодностью. И в то же время она сама отличалась истерической чувствительностью, и настроения и желания их почти никогда не совпадали. Если бы Достоевскому попала простая и уравновешенная женщина, которая способна была успокоить его сомнения, возродить в нем веру в свои силы, найти здоровый выход его повышенной сексуальности и этим уменьшить его комплексы мазохизма и садизма,

их брачные отношения могли бы постепенно достичь какого-то равновесия чувств и чувственности. Но в той напряженной, нервной обстановке, которую создавала Марья Димитриевна, еще острее выступали патологические черты ее мужа. Оба раздражали, изматывали и истязали друг друга в постоянной борьбе, нападки сменялись у них раскаянием и самобичеванием, уверения в бесконечной любви превращались в бесплодный поединок тел, неудовлетворенность плоти отравляла и кровь и душу. Вместо медового месяца на долю пали разочарование, боль и утомительные попытки добиться ускользающей и никак не дающейся половой гармонии. Полного соединения не было, и телесное раздражение усиливало сердечную тоску и недовольство. На чувственный обман и создание эротических иллюзий в Достоевском Марья Димитриевна, вероятно, была неспособна. Возможно, что она делала невыгодные сравнения между Вергуновым и мужем-эпилептиком, который порою должен был отталкивать и даже страшить ее.

Для Достоевского она была первой женщиной, с которой он был близок не коротким объятием случайной встречи, а постоянным брачным сожительством — и его отношение к ней было очень сложным. Он скоро убедился в том, что она не могла стать его подругой в чисто половом смысле, что она не разделяла ни его сладострастия, ни его чувственности. И тогда он с удвоенной заботливостью сделался ее братом, покровителем и опекуном. Он жалел ее острой человеческой жалостью, он относился к ней с лаской и нежностью, как к маленькой девочке, которую надо оберегать от возможных бед и напастей. «Она бедная,

слабая, она всего боится», «у нее гордое благородное сердце». Много лет спустя корректорше Починковской, внешне чуть напоминавшей Марью Димитриевну, он сказал: «Была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Идеалистка была в полном смысле слова, да! и чиста и наивна, как ребенок».

Но если физически они не сумели сойтись, почему же был он и во всем остальном несчастен с этой благородной и возвышенной натурой? Почему их сожительство не удалось ни в каком плане, ни в одной плоскости? А что это было именно так — тому имеется множество прямых и косвенных указаний и признания самого Достоевского. Есть и точные свидетельства тех, кто знал обоих в первые годы их трудного и странного союза.

Достоевский писал и брату, и друзьям о своей неспособности выразить чувства жестом, проявить ласку, побороть свою «деревянность». Марья Димитриевна, вероятно, принимала за холодность то, что было привычкой одиночества, робости и какой-то внутренней стыдливости.

Говоря о Марье Димитриевне после брака, Достоевский подчеркивал ее нервическое непостоянство и скачки от веселья к ипохондрии. Таких женщин, как Марья Димитриевна, считают истерическими натурами с явно выраженными тенденциями к мании преследования и меланхолии, то есть с чертами паранойи. Она молниеносно обижалась, повсюду видела подвохи, в гневе кричала и рыдала до упаду, потом, успокоившись, смиренно просила прощения и внезапно обнаруживала такое понимание и себя и других, такую кротость и доброту, что у Достоевского сердце разрывалось от сострадания, и он падал на коле-

ни и целовал ее руки. Конечно, ее нервозность и мнительность, фантастические вспышки злости или великодушия в значительной степени объяснялись ее общей физической слабостью: у нее назревал процесс в легких, и ее неврастения, равно как и ее нынешняя неспособность рожать детей, имели глубокие биологические корни. Жить с ней изо дня в день было не только трудно, но порою мучительно. Конечно, жить с таким издерганным, страдающим и сложным, больным и гениальным человеком, как Достоевский, тоже было нелегким испытанием.

Марья Дмитриевна продолжала любить Вергунова, страсти своей к прежнему любовнику скрыть не сумела.

Внешнее устройство, поиски денег, всяческие хлопоты и заботы заняли время и помыслы Достоевского вплоть до осени 1857 года. Служба отнимала почти весь день. Дома ждали его невзгоды брачного сожителства, жена с тяжелым характером, скука мещанского быта. Только одно было хорошо: он все более и более втягивался в писание. Каково бы ни было разрешение любовной драмы Достоевского, оно освободило его писательскую энергию, и мысли и чувства его, уже более не занятые вопросами о том, как добиться Марьи Дмитриевны, сосредоточились на новых произведениях.

В конце 1857 года он мог с уверенностью сказать, что опять ощущал себя писателем. Его снова охватывала та одержимость в работе, которая так поражала прежде его знакомых.

Он поистине жил в том мире, который создавал, он забывал и пить, и есть, обдумывая свои повести и романы, и до такой степени сживался со

своими персонажами, что отвечал невпопад жене, ронял вещи и вообще производил впечатление совершенно ненормального человека. Марья Дмитриевна плохо понимала эту одержимость, литературная страсть мужа ее несколько пугала, и она терялась, когда, меряя комнату быстрыми шагами, Достоевский с увлечением рассказывал о каком-либо «замечательном» сюжете: для него все сюжеты всегда были замечательны. В 1857 и 1858 годах он закончил «Дядюшкин сон» — описание провинциальных нравов в комическом виде, и «Село Степанчиково» — роман о лицемерии, герой которого, Фома Опискин, воплощал в себе русскую разновидность Тартюфа.

Одновременно с писанием Достоевский упорно добивался разрешения печататься. Сосредоточенность в достижении цели, доходившая опять-таки до одержимости, была характерна для него еще с молодости.

В августе 1857 года в «Отечественных записках», впервые после восьмилетнего исчезновения его имени со страниц печати, появился его рассказ «Маленький Герой», написанный еще в 1849 году, до ареста. Но прошло еще два года, прежде чем «Русское слово» могло напечатать «Дядюшкин сон» (февраль 1859 года), а «Отечественные записки» — «Село Степанчиково» (тоже в 1859 году).

Достоевскому было возвращено потомственное дворянство в мае 1857 года. Это означало полное восстановление в правах. Офицер и дворянин, он уже не чувствовал себя более каторжником и государственным преступником.

Пашу удалось определить в Сибирский кадетский корпус, и с августа 1857 года супруги жили вдвоем. Оба хворали — Достоевский приписывал

нездоровью жены отсутствие детей. В конце ноября 1857 года он пишет сестре Марье Димитриевны, Варе:

«Знаете ли, у меня есть такой предрассудок, предчувствие, что я скоро должен умереть. Такие предчувствия бывают почти всегда от мнительности, но уверяю вас, что я в этом случае не мнителен, и уверенность моя в близкой смерти совершенно хладнокровная...

Мне кажется, что я уже все прожил на свете и более ничего не будет, к чему можно стремиться». Эти строки он пишет через десять месяцев после брака с «ангелом», с той женщиной, «без которой нельзя жить» и из-за которой он собирался броситься в Иртыш.

В январе 1858 года, следуя советам друзей из Петербурга, Достоевский подал официальное прошение об отставке и разрешении вернуться в европейскую Россию. Ведь он отбыл срок наказания — по приговору ему полагалось провести четыре года в Сибири по выходе с каторги, — и вот четвертый год в Семипалатинске подходил к концу. Прошло, однако, еще пятнадцать месяцев, прежде чем просьба его — вполне законная — была удовлетворена.

Но в 1858-м и начале 1859 года вдохновения было мало, и оставалась по преимуществу работа, да и та не клеилась.

Меланхолию и апатию Достоевского усиливало растущее сознание семейного банкротства. Едва он приходил домой с ненавистной службы, как начинались стычки с женой, ее слезы и упреки. Хотя Достоевский и выбивался из сил, давая уроки, занимая деньги направо и налево и прибегая

ко всевозможным финансовым комбинациям, они никак не могли выбиться из нужды.

Его иллюзии, что она хорошая хозяйка, быстро улетучились: как и он, она не умела считать деньги, жили они безалаберно, в постоянном страхе кредиторов, неприятностей и полного расстройств их скудных финансов, иными словами, в боязни, что наступит день, когда и хлеба будет не на что купить. Им едва хватало, чтобы заплатить за стол и квартиру, об иных расходах не приходилось и думать.

Но вот весной 1859 года было получено долгожданное разрешение выйти в отставку и избрать для жительства любой город европейской России, за исключением столиц: пребывание в Москве или Петербурге было ему запрещено. Достоевский разом воспрял духом. Начались хлопоты — на этот раз веселые — об отъезде. Все знакомые снаряжали их в дорогу, получить займы деньги на путешествие не представило никаких трудностей. Пашу взяли из корпуса. 30 июня была подписана официальная бумага о выходе Достоевского в отставку в чине подпоручика. Через два дня в тарантасе, специально купленном для поездки, Федор Михайлович, Марья Димитриевна, Паша и слуга выехали из Семипалатинска. Достоевский решил поселиться в Твери: город находился вблизи Москвы, на линии железной дороги между двумя столицами. До места назначения надо было сделать четыре тысячи верст на лошадах. Марья Димитриевна плохо переносила езду и все болела, и того удовольствия, какое Достоевский ожидал от путешествия, не получилось: никто не разделял его восторгов от природы и новых лиц и мест, и он с особенной силой ощутил свое одиночество.

Это ощущение резко усилилось по приезду в Тверь, в конце августа. После долгих поисков они сняли меблированную квартирку из трех комнат. Марья Дмитриевна осталась этим очень недовольна. Все не нравилось ей в Твери, и она донимала мужа упреками и нелепыми просьбами. И Достоевскому Тверь не понравилась — это был маленький провинциальный городок с улицами, поросшими травой — но он волновался от близости столицы, без умолку говорил о своих литературных планах. А она отвечала ему жалобами на то, что у нее нет туалетов и все тряпки ее слишком пахнут сибирской глушью.

Главная забота Марьи Дмитриевны была не ударить лицом в грязь перед местными модницами, но она тут же заявила мужу, что выходить не станет, потому что ей негде принимать. Своей квартиры она стыдилась, бедность свою принимала как незаслуженное оскорбление и вообще вела себя как мученица, которую унижал и обижал злой тиран муж — недостойный ее возвышенной души.

Марья Дмитриевна была фантастична, мнительна, ревновала невпопад, всегда к тем женщинам, о которых Достоевский и не думал, и не подозревала тех, кем он интересовался. По всякому поводу начинались слезы и сцены. С ней невозможно было куда-нибудь выйти, всегда происходила какая-нибудь нелепая история: то ей не так подали в ресторане, то ей ответили грубым тоном в магазине, то знакомый, проходя, едва ей поклонился. Когда муж был весел, она была грустна, но стоило ему задуматься, как она начинала надоедать ему шутками и беспричинным смехом. А когда он садился за работу, она упрекала, что он

Марья Дмитриевна, первая жена Ф. Достоевского: «Каторжник ты, гнусный каторжник!»

держит ее точно в заточении, не показывает друзьям, ни с чем с ней не делится. Но делиться он с нею не мог, потому что она не понимала ни его религиозных исканий, ни его литературных устремлений. К его писаниям у нее всегда было чуть скептическое отношение.

Она была воспитана на Карамзине, Тургенев был ей ближе, чем произведения ее собственного мужа, и Достоевский хмурился и раздражался, когда она заговаривала о современной литературе, в которой мало понимала.

Тяготил его и ее внутренний провинциализм, ее неожиданные и дикие нападки на мало знакомых людей, ее способность сгоряча расхвалить человека, а потом уничтожить его насмешками и бранью, ее переходы от оптимистических фантазий к полной прострации. Порою, особенно когда она давала волю своей подозрительности и объявляла врагами, чуть ли не дьяволами, самых безобидных людей, он ощущал приступы злобы и ненависти.

Именно в Твери брак Достоевского потерпел окончательное крушение. Марья Дмитриевна призналась, что продолжает любить Вергунова, и объявила мужу, что не любит и никогда не любила его. Какую цену Достоевский мог придавать этим ее истерическим выкрикам? Он знал, что она — больная и несчастная женщина, на каждом шагу изобретающая новые выдумки, чтоб заглушить свои метания и горечь. Он понимал, что она тоже страдает. Самые отношения их были основаны на том, что оба мучили и жалели друг друга. Просветы нежности и сострадания связывали их больше, чем страсть. Странное чувство — смешение боли, милосердия (особенно с его стороны), воспоминаний о прошлом, сожаления о несбывшемся — притягивало их друг к другу. Да кроме того, создавалась и привычка, от нее слишком трудно было отказаться. Пять лет Достоевский любил Марью Дмитриевну, и он жил с ней третий год. Уже после ее смерти он признавался Врангелю, единствен-

ному человеку, знавшему правду о браке Достоевского: «...Несмотря на то, что мы были положительно несчастны вместе, мы не могли перестать любить друг друга: даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу» (письмо от 31 марта 1865 года).

Разгадку этой странной связи надо отчасти искать в детских впечатлениях Достоевского: в те годы, когда мать его угасала от чахотки, образовалась в нем бессознательная ассоциация любви и недуга, нежности и страдания, влечения и телесного ущерба. Слияние по сходству — двух образов, жены и матери, в один, больной и страдающей женщины, являлось одновременно и источником физической преграды по отношению к Марье Дмитриевне, и причиной крепкой сердечной любви. Марья Дмитриевна сознавала, что болезнь лишила ее прежней привлекательности, и мучительно переживала исчезновение физической близости с мужем, но отшатывалась от него, едва он проявлял желание. Она говорила ему, что он только и ждет ее смерти, чтобы отделаться от ненужной обузы, но, когда он убеждал ее лечиться, утверждала, что нужна ему лишь как любовница. Она обвиняла его во всех смертных грехах, в измене и обидах, подлинных или выдуманных, нынешних и прошлых, она вспоминала все ошибки последних четырех лет. Больше всего Достоевский любил ее, когда расставался с нею. Достаточно было ему уехать от нее, как он начинал тосковать по ней и жалеть ее самой горячей жалостью. Разлука пробуждала в нем нежное влечение к той, от кого он с облегчением убегал, чтоб хоть немного отдохнуть и отойти. То же было и с ней. Поэтому всегда после разлуки происходили тро-

гательные сцены примирения и попытки новой жизни, а затем, после нескольких дней (а иногда и часов) тишины и гармонии — снова споры, ссоры, семейный ад. В разных письмах звучит все тот же мотив: «я вполне один». Это сознание одиночества и есть окончательный приговор его браку. Он ошибся насчет Марьи Дмитриевны: она прекрасная и добрая женщина, но таков ее характер и таковы обстоятельства, что ничего, кроме горя, ему от нее не видать.

В декабре 1859 года получено наконец разрешение на свободное проживание в обеих столицах.

Достоевский сразу же выехал в Петербург, а в начале 1860 года к нему присоединилась Марья Дмитриевна. Она, однако, не выдержала холодного и гнилого климата столицы и принуждена была вернуться в Тверь.

С этого момента совместная жизнь их нарушена, они лишь изредка имеют подобие общего дома, а чаще всего проживают на разных квартирах, в разных городах. Летом 1862 года Достоевский отправился за границу, один, а Марья Дмитриевна осталась в Петербурге.

С 1861 года супруги жили врозь не только физически, но и решительно во всем остальном. У Достоевского была его собственная жизнь, к которой Марья Дмитриевна не имела никакого отношения. Она чахла и умирала. Он встречался с людьми, издавал журнал и писал: с 1860-го по 1862 год он написал свыше ста печатных листов.

За границу летом 1862 года он ехал с явным чувством радости и свободы. Он побывал в Берлине, Париже, который очень ему не понравился, проехал по Рейну и Швейцарии, а затем прожил

несколько недель во Флоренции и объездил почти всю Италию. Именно в эту поездку начал он играть в рулетку, и эта новая страсть поглотила его целиком.

В сентябре, по возвращении, он нашел Марью Дмитриевну в постели. Ей было очень худо. С этого момента она — инвалид, и Достоевский ухаживал за нею, как брат милосердия. Зимой она почти не выходила из своей комнаты и лежала по целым месяцам.

Весною 1863-го ей стало так плохо, что опасались за ее жизнь. Выжить ей удалось только чудом. При первой возможности Достоевский отвез ее во Владимир, где климат был гораздо мягче. В июне он описывал свои невзгоды Тургеневу: «Болезнь жены (чахотка), расставание мое с нею (потому), что она, пережив весну, то есть не умерев в Петербурге, оставила Петербург на лето, а, может быть, и долее, причем я сам ее сопровождал из Петербурга, в котором она не могла более переносить климата».

Но сам Достоевский за нею во Владимир не последовал. Сперва он по горло был занят делами, издательскими и финансовыми, а затем снова уехал за границу — и на этот раз он был уже в Париже, Италии и Германии не один.

Жену увидал он только в октябре, во Владимире, и тут же принял решение везти ее в Москву: поселиться с нею в Петербурге было невозможно, а оставлять во Владимире тоже, по-видимому, нельзя было. Марья Дмитриевна была настолько изнурена лихорадкой и вообще находилась в таком критическом состоянии, что даже переезд из Владимира в близкую Москву представлялся затруднительным, почти опасным. Достоевский считал

своим долгом облегчить жене последние месяцы ее жизни. Это было гораздо легче в Москве.

В начале ноября Достоевские обосновались в Москве. Федор Михайлович получил небольшое наследство и был менее стеснен в деньгах, чем обычно.

Он проводил дни и ночи за письменным столом, но работа подвигалась плохо: он писал «Игрока» и статьи для журнала «Эпоха».

Два припадка прервали его деятельность на несколько дней, но самым большим препятствием к труду была необходимость ухаживать за женой. Она от болезни стала так раздражительна, что не могла выносить никого, даже сына, приехавшего из Петербурга навестить ее.

Достоевский сознавал, что конец близок.

«Жаль мне ее ужасно, — пишет он брату в январе 1864 года, — у Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме, грустит и приходит в отчаяние. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы ее раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она, как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть».

Марья Дмитриевна умирала мучительно и трудно: ее страдания и настроения, по-видимому, носились в памяти романиста, когда он описывал в «Идиоте» агонию Ипполита. Да и все больные, большей частью чахоточные женщины его произведений сохраняют черты, общие с Марьей Дмитриевной.

Уже в феврале стало ясно, что весны Марья Дмитриевна не переживет. Достоевский плохо работает, сам болеет, душевно разрывается между умирающей женой и той внутренней драмой новой любви, которая в это время владела им.

В апреле 1864 года началась длительная и страшная агония Марьи Дмитриевны. «Мучения мои всяческие теперь так тяжелы, — писал Достоевский 2 апреля, — что я и упоминать не хочу о них. Жена умирает буквально. Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне, потому что... Писать же работа не механическая, и однако ж и я пишу и пишу, по утрам».

14 апреля с Марьей Дмитриевной сделался припадок, кровь хлынула горлом и начала заливать грудь. На другой день к вечеру она умерла — умерла тихо, при полной памяти и всех благословила.

Через год после смерти жены Достоевский так писал о ней тому, кто не только знал ее, но и был свидетелем первых лет их любви (Врангелю):

«Существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя умерла в Москве, куда переехала за год до смерти своей от чахотки. Я переехал вслед за нею, не отходил от ее постели всю зиму 64-го года... она скончалась в полной памяти... и, прощаясь, вспомнила и вас. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу вам при свидании, теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех,

которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя весь год, как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается».

Достоевский любил ее за все те чувства, которые она в нем возбудила, за все то, что с нею было связано — и за те страдания, которые она ему причинила. Но он любил ее и за ее собственные страдания — тем сложным сплетением человеческой жалости, нежности, сладострастия и того одновременно сыновнего и отцовского чувства близости, которое связывало его с больной и истерической Марьей Дмитриевной крепче, чем радость удачного брака. Недаром она напоминала ему его больную мать. В некоторых отношениях были они похожи друг на друга: в обоих легко вспыхивал какой-то огонь исступления, оба не вмещались в обычные рамки спокойствия и привычки, у обоих все било через край, не знало меры. Но то, что было пламенем гения в Достоевском, у Марьи Дмитриевны полыхало огоньками тяжелого недуга.

След от Марьи Дмитриевны можно найти во многих произведениях Достоевского. Наташа в «Униженных и оскорбленных», жена Мармеладова в «Преступлении и наказании», отчасти Настасья Филипповна в «Идиоте» и Катерина в «Братьях Карамазовых» — все эти образы женщин с бледными щеками, лихорадочным взором и порывистыми движениями навеяны той, кто был первой и большой любовью писателя.

То, что Достоевский написал и о ней, и о сво-

их переживаниях Врангелю, старому семипалатинскому другу, было, конечно, истинной правдой.

Но он не упомянул, что, ухаживая за умирающей, он ощущал не одну только муку сострадания и привязанности. Он должен был испытывать и чувство вины, может быть, стыда и угрызений совести, потому что и сердце, и мысли его были разделены, и у изголовья Марьи Дмитриевны он мечтал о другой женщине и стремился к ней со всей силой страсти, ревности и желания.